

Гость из Греции

Кучка Киви

(приблизительно через 5 лет после "Дома на горе")

Часть 1: Каждый человек имеет свою цену

Лью ЛиДжон улыбнулся медленно, ласково и, другому мужчине показалось, с какой-то детской застенчивостью, - словно светлый мед растекался по фарфоровой поверхности чайного блюдца. Его голубые задумчивые глаза, синее сероватого осеннего неба за его спиной, синее сероватого осеннего моря с частыми белыми барашками, - не отрывались от лица другого. "Ты ждал?" - спрашивали глаза. "Ах, ждал. Я долго ждал тебя."

- Эхумэ лиго хроно. У нас только два часа... Пстой,.. - с неслышным вздохом сказал он и развязал нижнюю рубашу, спуская ее с широких плеч. Обнажились грудные рельефы и выпуклые продолговатые бицепсы. Грек сглотнул, чувствуя неотвратно нарастающий поэтический восторг, источник которого находился в нижней части живота. Лью ЛиДжон, заведя одну руку за голову, потер шею и с удовольствием потянулся, напрягая мышцы, повернулся к балкону, развязывая последний узел, посмотрел на город и залив, лежавшие у их ног.

Мужчина любовался им на фоне моря, так же, как недолгое время назад, смотрел на него с этого моря, с борта корабля, пришедшего в забытый богами чужестранный городок. Как все перевернулось... все в жизни перевернулось из-за него.

- Я таким запомню его, - понял грек. - Воплощение красоты: идеальное мужское тело, и море, и солнечный свет, и мы с ним вдвоем, и столько спокойствия, и восторга, и силы, и...

Рубаша упала на пол.

Он влюбился в него сразу же, как только корабль причалил в этом далеком чужом городе между водой и холмами, заросшими самшитом.

Странные дома, странно одетые люди, с волосами по-варварски завязанными на макушках. В темной вечной зелени самшита повсюду вспыхивали красным спиреи и кустарниковые клены. Между ними высывались островерхие затейливые крыши маленьких храмов в честь неизвестных богов. Воздух пробирался под одежду, приносил холод, запах осени и пылинки пряностей.

Сонная пристань, не похожая на водоворот торговой жизни в Мегаре... Грузовые корабли,

отошедшие от причала и вставшие на якорь в удалении от берега... Холод, тусклый солнечный свет, незнакомые святилища, иностранная речь, изогнутые гнилые лодки, дощатые хлипкие домики на деревянных шестах, стоящие прямо в воде у берега, - все будило неприятное тоскливое чувство, напоминало, как далеко занесло его от родных счастливых берегов.

Дюжина невзрачных человечков, одинаково одетых в короткие курточки, бегала по пристани слева. Они, как воробьи крошки, таскали одинаковые ящики к соседнему кораблю с финикийскими литерами "Веселый паша" и что-то сердито и непонятно чирикали друг другу.

Феогнид их не видел, в его мире был только один - тот, что на голову выше всех остальных, с сапфировыми глазами вразлет. Южанин Феогнид никогда не видел льда, но в тот момент понял, что, наверно, вот так он и выглядит. И что лед должен быть очень красив, - как эти прозрачные голубые осколки неба. Стянутые на макушке длинные волосы - так, наверно, носят их боги на Олимпе, озарило грека.

"Я буду звать тебя Гермес, - подумал он. - Легконогий, богоравный, лукаво улыбающийся сын Зевса, занимающийся погрузкой на пристани в Яфе. Твои холодные глаза обманывают - всех, кроме меня. Потому что только я знаю, сколько тепла и света прячутся в этой ледяной глубине."

Непонятный язык и короткое знакомство никогда не были препятствием. В конце концов, у каждого человека есть своя цена. Тем более, у молодого портового грузчика.

Он не видел ничего зазорного в том, чтобы покупать любовь. Он оттачивал свое мастерство обольщения в торговых городах по всему юго-восточному побережью. Все средства были хороши. У Феогнида было много способов добиться своего. Он видел себя хищником, выслеживающим законную добычу, которой, по прихоти безликих мойр, было назначено родиться на том конце пищевой цепочки.

Портовый Гермес был одет не богаче других и работал наравне с остальными, так что на владельца бизнеса он похож не был. Полинялая серая рубашка шань немного ниже колен, из-под ворота которой выглядывала белая полоска нижнего белья, и штаны, перехваченные у щиколоток тесемками, - вот и вся одежда на прекрасном незнакомце. Менее прекрасным он от этого не выглядел, даже наоборот, - словно олимпийский бог пытался спрятаться среди смертных, но безнадежно выдавал себя красотой и статью. На боге не было даже сапог, несмотря на подступившие заморозки, только соломенные сандалии. Талия была плотно перетянута широким кожаным ремнем в ладонь, - для предотвращения профессиональных травм при переноске тяжестей. На широком поясе была еще какая-то сбруя поменьше, звеневшая пряжками.

Молодой рабочий ловко скинул ящик у трапа, разогнулся, расправив прямую стройную спину, и посмотрел, как один из одинаковых человечков с пучком на маковке ставит свой груз с другой стороны. Гермес что-то сказал ему и переставил ящик. Человечек начал на него

ругаться сердитыми отрывистыми звуками и трясти пучком на макушке. Голубоглазый Гермес кивнул и улыбнулся. И похлопал товарища по щеке. У приезжего грека, наблюдавшего сцену со своего борта, потеплело внутри, когда он представил, как эта ленивая, ласковая ладонь коснулась бы его лица.

Гермес легко поднял рабочего за подмышки и бросил в море. Еще один грузчик в курточке попробовал поругаться, показывая пальцем на купальщика, и через три секунды плавал рядом с ним. Нет, на обычного рабочего Гермес похож не был... Скорее, на разбойника, захватывающего чужой груз.

Остальные грузчики очень шустро бегали вокруг с ящиками, благоразумно огибая разбойника по широкой дуге, и аккуратно ставили их на нужное место. Он с удовлетворением оглядел рабочий процесс и перенес внимание на дорогу между складами.

- Все-таки бригадир, - подумал Феогнид. - О, а вот и хозяин идет.

Грек начал опасаться, что предмету его романтического интереса сейчас не поздоровится, учитывая, что часть бригады занималась водными процедурами в рабочее время.

Из-за складов шел массивный мужчина постарше, широкоплечий, с темными гневными глазами.

- Вот это зверь, - подумал грек. - Я бы с таким связываться ни за что не стал.

Командовавший грузчиками Гермес встретил его мрачный взгляд, презрительно задрал подбородок. Рабочие, тем не менее, все обрадовались пришедшему, покивали и поздоровались - даже те, которые сидели в море.

Мужчина нагнулся с причала, взял за шиворот первого из купальщиков и, как котенка, поднял его из воды. Молодой бригадир сделал один шаг к краю пристани, второй купальщик резво совершил в воде поворот по типу "кувырок" и уплыл куда-то в сторону Тасмании, надеясь, что там будет безопаснее выбираться на берег.

Настало время разобраться с разбойным бригадиром. Хозяин, метнув в него пару молний из темных глаз, бросил несколько коротких злых слов, повернулся и ушел. Гордый молодой человек тоже что-то крикнул, секунду поколебался, а потом побежал за хозяином. "Видимо, не такой уж гордый, - подумал грек, - если побежал оправдываться. Это хорошо, дешевле обойдется."

- ... значит, расстанемся врагами, - заявил Лью ШуШон и ушел.

- Ну и пожалуйста! - крикнул ему вслед племянник, но через секунду передумал.

(Лью Лиджон, кричит, догоняя:) - Нет, не расстанемся!.. Я тоже домой пойду.

(Лью ШуШон:) - Вы грузили, иди работай.

(Лью Лиджон, с полной ответственностью:) - Они все хорошо поставят, я объяснил... Хрен я тебя одного дома теперь оставлю! Ты опять все завернешь.

Лью ШуШон невозмутимо молчал, направляясь домой по горной дорожке.

(Лью Лиджон:) - Ну-ка, посмотри на меня. В глаза смотри, предатель!

Так он и знал. В темных радужках Лью ШуШона плясали веселые самодовольные звездочки. Поняв, что прятаться бесполезно, Лью ШуШон торжествующе ухмыльнулся.

(Лью Лиджон:) - Ах ты, сука! Ты уже завернул!

(Лью ШуШон, с выражением скромного торжества:) - (Идет себе, не опускается до пререканий с бестолковым племянником, который не разрешает ему заворачивать красный редис в банановые листья.)

(Лью Лиджон:) - Она будет вся мокрая вся и противная!

(Лью ШуШон:) - Зато не высохнет. Сохранит свежесть.

(Лью Лиджон, мстительно:) - Я разверну!

(Лью ШуШон, клянется:) - Я обратно заверну!

(Лью Лиджон, наставительно, как мама:) - Да -гэ, зачем ты так себя ведешь? Насилием ничего не добьешься.

(Лью ШуШон, убежденно:) - Добьешься. С тобой по-хорошему нельзя! Кто в прошлый раз в листья виноградины завернул, а редиски спрятал?!

(Лью Лиджон:) - Виноград лучше редиски!

(Лью ШуШон, негибаемо:) - Вот и ешь свой виноград, а красную редиску не трогай!

(Лью Лиджон, исчерпав аргументы:) - (толкает приятеля плечом и отлетает к забору, наткнувшись на скалу)

(Лью Лиджон, с праведным гневом:) - Уя!.. Ах ты, скотина, ты еще и улыбаешься?!.. Ну все, молись, пока живой!

(Лью ШуШон, с иезуитским смирением:) - Насилием ничего не добьешься.

(Лью Лиджон:) - А вот мы проверим!..

Господа читатели, если вам нравится повесть, не забудьте поставить лайк, это доброе дело, вам на небесах зачтется. Или напишите комментарий. Ваши похвала и критика заставляют мир вращаться.

Отдельная благодарность сознательным читателям - за лайки на главной странице проекта, именно по ним считается рейтинг работы на сайте.

<http://bllate.org/book/17829/1697102>